

К ВОПРОСУ О ЗНАЧЕНИИ РУССКОГО РОМАНА ДЛЯ РАЗВИТИЯ РУМЫНСКОЙ ПРОЗЫ В КОНЦЕ XIX И В НАЧАЛЕ XX ВВ.

(1880—1917)

ТАТЬЯНА НИКОЛЕСКУ

Проникновение и распространение русской литературы в Румынии в 19 в., ознаменовавшем один из наиболее важных периодов в развитии русско-румынских литературных отношений, происходили, в основном, в два этапа: первый из них относится к началу столетия, второй к 80-ым гг., охватывая и первые два десятилетия следующего столетия (до 1917 г.).

На первом этапе происходит преимущественно ознакомление с некоторыми представителями русской поэзии конца 18 и начала 19 века, с Державиным, Жуковским и Пушкиным, в особенности.

Второй этап представляется сложнее и несравненно богаче по своему содержанию, отличаясь своеобразными характерными чертами. На этом этапе происходит широкое, развернутое и многостороннее ознакомление румынской общественности с различными видами и жанрами русской литературы, с ее лучшими представителями, с ее крупнейшими произведениями. Напоминая во многом положение, создавшееся в те годы на Западе, где произведения русских писателей распространялись с большим успехом, этот период в истории русско-румынских литературных отношений ознаменован таким же «победоносным шествием» русской литературы. Однако же, если перед румынским читателем раскрывается вообще широкий доступ к русской литературе, если в эти десятилетия (1880—1917 гг.) ему предоставляется возможность прочитать еще неизвестные для него стихи Пушкина и Лермонтова, или познакомиться с *Ревизором* Гоголя и с драмой Горького *На дне*, то в первую очередь эти годы означают интенсивное ознакомление с русской прозой. Можно сказать, что в данный период распро-

странение прозаических произведений и, в особенности, романа занимает первое место. Романам и повестям уделяется особое внимание среди переводов из русской литературы, к ним обращаются взоры многих румынских писателей и критиков, о них говорят, спорят, пишут. Вокруг русского романа разворачивается острая идейная борьба, сталкиваются противоположные мнения. Поскольку же в румынском языке термин «роман» применяется и для таких произведений, которые в русском языке определяются словом «повесть», можно сказать, что этот острый, подчеркнутый интерес к русскому роману охватывает весьма существенную часть русской прозы вообще. О русском романе румынская общественность тех лет судит на основании произведений Тургенева, Достоевского, Толстого в первую очередь, затем Пушкина и Гоголя, несколько позже Короленко, Горького и т.д.

Следует отметить, как характерное явление, напоминающее между прочим, соответствующий процесс, развернувшийся на Западе, что первоначальное знакомство с русским романом осуществляется через крупные произведения таких виднейших представителей этого вида как Тургенев, Достоевский, Толстой. В предверии 80-ых гг., в последние два десятилетия 19 века, и в начале 20-века встречаются переводы на румынском языке таких повестей и романов Тургенева, как: *Первая любовь* (1872, 1890, 1891 — в двух переводах, 1892 — в двух переводах, 1897, 1905, 1907, 1908, 1912, 1913 и т.д.), *Вешние воды* (1879, 1891, 1905, 1910), *Новь* (1880, 1885), *Муму* (1882, 1891), *Дым* (1884, 1915), *Дворянское гнездо* (1897, 1904, 1905), *Отцы и дети* (1907) и др. В эти же годы из творчества Достоевского переводятся: *Униженные и оскорбленные* (1885), *Записки из мертвого дома* (1886, 1911, 1912), *Кроткая* (1888), *Белые ночи* (1888, 1902, 1908), *Преступление и наказание* (1912), *Братья Карамазовы* (1915) и т.д. Из романов и повестей Толстого румынская общественность познакомилась весьма скоро с *Крейцеровой сонатой* (1891, 1901, 1908), *Воскресением* (1899, 1900, 1910 и т.д.) и *Семейным счастьем*, неоднократно переводившемся (11 раз до 1917 г.). Наоборот, с некоторым запозданием по сравнению с Западом появились румынские переводы романов *Война и мир* (1911) и *Анна Каренина* (1912). Пушкин представлен в эти годы преимущественно своими прозаическими произведениями, например: *Капитанская дочка* (1866, 1887, 1899 — в двух переводах, 1912), *Пиковая дама* (1887, 1915), *Метель* (1889, 1891, 1897, 1904, 1907 — в двух переводах, 1908, 1910 и т.д.), *Выстрел* (1890, 1895), *Станционный смотритель* (1895, 1915), *Дубровский* (1909)¹. Из творчества Гоголя переводятся неоднократно: *Тарас Бульба* (1876, 1883, 1892, 1898, 1908 — в двух переводах), *Шинель* (1876, 1882, 1887, 1909), *Мертвые души* (1905) и т.д. Наряду с многочисленными рассказами Горького (*Макар Чудра*, *Старуха Изергиль*, *Коновалов*), печатается на румынском языке роман *Мать* (1907, 1908 — в отрывках и 1910 — полно-

¹ Следует подчеркнуть отдельные переводы некоторых из произведений, входящих в состав *Повестей Белкина* и отсутствие долгое время перевода всего сочинения в целом.

стью)¹. Нужно также принять во внимание, что кроме возможности ознакомления с русской литературой вообще, и с русскими романами и повестями в частности, через переводы на румынский язык, существовал и другой путь, а именно, либо непосредственного обращения к оригиналу (что случалось реже ввиду ограниченного круга знатоков русского языка), либо использования французских или немецких переводов. Через французские, а в некоторых случаях и немецкие переводы познакомились некоторые румынские писатели (Дуилиу Замфиреску, Михаил Садовяну, Г. Ибраилу, О. Карп, Ливиу Ребряну, Ион Агырбичану и др.) с романами *Война и мир* и *Анна Каренина* еще до их опубликования, с достаточным запозданием, на румынском языке.

Это подчеркнутое присутствие в литературной жизни Румынии такого своеобразного явления, каким был русский роман не могло пройти незаметным. Во-первых, потому что шла речь о количественно значительном явлении, во-вторых, потому что, так же как и для Запада, для румынской общественности и, в особенности, для литературных кругов знакомство с романами и повестями Тургенева, Достоевского, Толстого и других русских писателей означило настоящее открытие. «Переводы из произведений Гоголя, Пушкина, Лермонтова, Гончарова, Достоевского — писал известный критик Доброджану-Геря — открыли Европе могучую литературу...»² Превосходство русского романа и, в особенности, значение, которое он приобретает в 80-ые гг. на европейской арене, подчеркивались писателем Константином Милле еще в начале 80-ых гг.³ Несколько позже, как бы подводя итоги своим прежним мнениям, К. Милле писал: «следовало бы нам больше, чем это вообще делается, обратить внимание на огромное влияние русского романа на литературу вообще...»⁴ В румынской печати конца 19-го и начала 20-го века можно встретить довольно много выступлений, приветствовавших распространение в Румынии этих «великих творений, глубоко человеческих по своему содержанию, которые заслужили повсюду, куда бы ни проникала русская литература, любовь и оценку читающей публики»⁵. Некоторые даже говорили о существовании в румынской литературной жизни того времени «русского течения»⁶. О значении, которое приобретает русская литература и, в частности, русский роман в этот период, говорят многочисленные и разнообразные факты, как, например: организуется специальное массовое издание *Библиотека для распространения русских писателей*, выпускается литературное приложение к журналу *Рампа*, предназначенное для популяризации лучших романов всемирной литературы, которое начинает свою деятельность

¹ Для более подробных данных см. библиографию FILIP ROMAN, *Literatura rusă și sovietică în limba română*, București, E.S.I.P., 1959 и TATIANA NICOLESCU, *L. N. Tolstoi și literatura română*, București, 1962 (диссертация).

² «Românul», 1885, 17.IX, стр. 2.

³ См. «Drepturile omului», 1885, 8. II, стр. 1—2 и «Lupta» 1887, 6—7, VII, стр. 2—3.

⁴ «Adevărul», 1900, 18.I, стр. 1.

⁵ «Secolul», 1910, 26.V, стр. 2.

⁶ «Generația nouă», 1893, febr., стр. 2—3.

с напечатания *Анны Карениной*, произведения русских прозаиков, в первую очередь повести и романы занимают видное место на страницах самых различных по своей политической ориентации газет и журналов, выходивших в столице и в провинции, имевших более длительное или временное существование. Так, например, на страницах газет и журналов печатались переводы романов *Капитанская дочка* («Familia», 1866), *Униженные и оскорбленные* («Rominul», 1885), *Дворянское гнездо* («Ероса» 1897), *Воскресение* («Ероса» 1899), *Мать* («Patria», 1907, «Rominia Municipioare» 1908) и т.д. Такое распространение через журналы и газеты имело свое значение: оно обеспечивало ознакомление с данным произведением весьма широких слоев читателей, можно сказать, способствовало проникновению его в самые отдаленные уголки страны. Тем более, что в большинстве случаев речь идет о газетах и журналах широкого распространения.

Однако же, для того чтобы установить более конкретно то место, которое занимал русский роман в данный период в культурной жизни Румынии, следует задать вопрос о соотношении между ним и другими подобными явлениями, так, например, между ним и французскими или немецкими романами. Главным соперником русского романа мог быть именно французский роман, если принять во внимание влияние французской культуры в Румынии в 18 в. и в начале 19 века. Точное установление количественного соотношения между переводами одних и других романов нелегкая задача, тем более, что нужно принять во внимание возможные колебания от журнала к журналу, в связи с одним или другим из писателей, историческим моментом, направлением литературной жизни и т.д. При просмотре печати и отдельных изданий, создается общее впечатление, что если до 80-ых гг. преобладают переводы из французских романов, то в конце 19 в. и в начале 20 века положение меняется в пользу русского романа¹. Однако же, чисто количественное сопоставление не кажется нам, в данном случае, существенным и самым убедительным. Интереснее и значительнее, по возможным заключениям, представляется нам сравнение в плане идейного содержания и художественного мастерства между отдельными произведениями, принадлежащими одной или другой из литератур, и вследствие этого оценка того отклика, который могли найти те или иные книги в сознании читателей или в литературных кругах.

Так, например, следует отметить, что после переводов крупнейших произведений Бальзака, а также и некоторых других французских писателей (Стендаля, Меримэ, Додэ т.д.), журналы и издания прибегают часто к второстепенным и третьестепенным сочинениям, преимущественно любовно-приключенческого характера, уступая общепринятому вкусу, а иногда просто вследствие своей собственной

¹ Эту точку зрения поддерживает и проф. Н. И. Попа в своем исследовании, посвященном истории русско-румынских литературных отношений: «в последние два десятилетия прошлого века и в начале нашего века переводилось из русской литературы, больше чем из других» (*Întruirea literaturii ruse asupra celei române în sec. XIX*, «Iașul Nou» 1953, № 3—4, стр. 245).

нетребовательности. Параллельно из русской литературы, поступавшей в обиход в большинстве случаев через французские или немецкие переводы, печатаются лучшие романы и повести, уже одобренные русскими и западными читателями и получившие благодаря этой оценке широкое распространение и в других странах. Характерны, например, такие факты: на страницах консервативной газеты *Ероса*, которую ни в коем случае нельзя подозревать в пристрастной положительной оценке к русской литературе, а вернее всего наоборот, появляются в 1897 г. в переводе *Дворянское гнездо* Тургенева, *Семейное счастье* Толстого, *Слепой музыкант* Короленко и, одновременно, французские романы: *Дитя бездны* Мик Д'Агана, *Жертва обители* Максима Рюда, *Город преступления* Массона Форестьера и т.д. В 1905 г. газета *Cronica* переводит наряду с *Мертвыми душами* Гоголя, такие французские романы, как: *Слезы Жанны* Арсена Русэ и *Роман одного монаха* Жака Марибэа. Несомненно, что при таких встречах победа оставалась на стороне русского романа. И примеры такого рода можно умножить.

Таким образом можно сказать, что также как и во Франции, Германии, Англии и т.д., в Румынии русский роман начинает систематически проникать и распространяться с 80-ых гг. прошлого столетия и что данный процесс принимает в последние два десятилетия 19 в. и в начале 20 в. развернутый характер. Популяризация русских романов и повестей не является случайной, зависящей от инициативы отдельных единичных лиц, в ней проявляют заинтересованность широкие круги читателей, деятели культуры, писатели и т.д. Русский роман последовательно и энергично утверждается в культурной жизни Румынии. И это становится настолько очевидным фактом, что о нем не могут умолчать даже круги, ничего общего не имеющие с передовыми воззрениями русской литературы. «Было бы напрасно распространяться в похвалах к русской литературе, румынский читатель вполне убежден в ее достоинствах, свидетельство тому постоянное умножение числа переводов из русской литературы. Это доказывает, что данные книги пользуются успехом и читатель ценит их», отмечает консервативная газета *Ероса*¹.

Утверждение русского романа становится последовательным и все расширяющимся явлением, которое румынская общественность эпохи рассматривает и оценивает сознательно как одну из характерных особенностей современной ей культурной жизни страны. Об этом говорит довольно ясно историк Николае Йорга: «После того, как французы утратили большую часть своего влияния, очарование и увлечение этими другими художниками (т.е. русскими — Т.Н.) будет еще долго продолжаться... Под влиянием *Записок охотника*, *Войны и мира*, *Записок из мертвого дома* будут жить и мыслить два поколения»².

Чем же следует объяснить этот глубокий интерес, проявленный к русскому роману, а также то место, которое он занял в литературной жизни Румынии конца 19 и начала 20-го века?

¹ 1909. 20.V, стр. 1—2.

² N. IORGA, *Istoria literaturii rominești contemporane*, 1934, т. I, стр. 326.

Некоторые западные исследователи приписывали и приписывают по сей день известной книге Эжена Мельхиора де Вогюэ «Русский роман» (1886) заслугу «открытия» русской литературы для европейского читателя. Это мнение повторялось неоднократно и румынской печатью¹, в особенности до 1944 г. Однако же, что касается западноевропейского распространения русской литературы советский исследователь Ф. Прийма, а также и некоторые западные литературоведы доказали убедительно несостоятельность такой точки зрения, которая, преувеличивая роль де Вогюэ, одновременно умаляла или совершенно стирала его предшественников². То же самое можно отметить и в отношении утверждения русского романа в Румынии. Во-первых, следует обратить внимание на тот факт, что книга Мельхиора де Вогюэ не была переведена на румынский язык. Это явно ограничивало возможности ее воздействия на более широкую аудиторию, ее влияние на общественность. Правда, книгу могли прочитать и читали на французском языке, однако же о массовом ее распространении в таких условиях нельзя говорить. Между прочим, подтверждением этой мысли служит интересная заметка румынского писателя Жана Барта, который вспоминая о годах своей молодости говорит: «хотя мы и много читали французской литературы, но Вогюэ был очень мало известен. Когда мне случайно попался в руки его *Русский роман* я остался удивлен и очарован...»³.

Кроме того, если внимательно проследить за развитием процесса проникновения русских романов и повестей в Румынию, то нетрудно заметить, что первые переводы, знакомящие общественность нашей страны с произведениями Пушкина, Тургенева или Достоевского, появляются на несколько лет раньше книги Вогюэ. Так из числа романов и повестей пользовавшихся наибольшим успехом у румынских читателей, *Капитанская дочка* переводится впервые в 1866 г., *Первая любовь* в 1872 г., *Вешние воды* в 1879 г., *Дым* в 1884 г., *Новь* в 1885 г., *Униженные и оскорбленные* в 1885 г. В популяризации некоторых из этих произведений важную роль сыграл передовой литературный критик К. Доброджану-Геря, знаток русского языка и русской литературы, разъяснивший один из первых в своих статьях румынскому читателю значение творчества Тургенева и Достоевского⁴, а немного позже и Толстого. Таким образом, даже если и считать, что книга Вогюэ имела широкий отклик в румынской литературной жизни, она утверждалась на подготовленной почве, воспринявшей уже некоторые из наиболее блестящих образцов русского романа, и возможные заслуги французского автора меркнут в какой-то степени перед явным, конкретным вкладом Добро-

¹ См. «Secolul», 1910, 20.III, стр. 1 и «Noua Revistă Română» 1910, 21.III, стр. 336—337.

² См. Ф. ПРИЙМА, *Начало мировой славы Л. Толстого* «Русская литература», 1960, № 4, стр. 33—34 и GEORGETTE DAUCHIN рецензия на Hemmings: *The Russian Novel in France 1884—1914*, в «Slavonic Review», 1950, дек., стр. 342—348.

³ JEAN BART, *Eugène Melchior de Vogüé*, «Adevărul literar și artistic», 1929, 21.IV, стр. 1.

⁴ I. GHEREA, *Turghenieo*, «Drepturile omului», 1885, 5.V, стр. 2 и *Dostoevski*, «Românul», 1885, 17.IX, стр. 2.

джану-Геря. Между прочим, современники румынского критика отдавали ему должное и признавали его роль в распространении русской литературы у нас в стране. Характерно, например, следующее высказывание: «У г-на Гери есть еще одна заслуга. Он открыл нам глаза на русскую литературу. Его статьи были своеобразным откровением для университетской молодежи в те годы. До него мы были знакомы только с именем Пушкина: о Толстом, Достоевском, Тургеневе ничего не слыхали. Сегодня же мы знаем все их важнейшие произведения, которые были переведены и на французский язык...»¹.

Вообще пытаться объяснить такой могучий и своеобразный процесс, каким является утверждение русского романа в румынской литературной жизни конца 19 и начала 20 вв., только авторитетом одной личности и успехом одного, причем еще и зарубежного, а не отечественного произведения, будь даже и очень талантливое, значит остановиться на поверхности и отказаться от подлинно научного рассмотрения вопроса. Объяснение этого процесса следует искать в более глубоких причинах, коренящихся, с одной стороны, в неотъемлемых и своеобразных чертах самих русских романов и повестей с другой, в исторических условиях румынской жизни на данном этапе.

Русский роман привлек внимание румынской общественности и, в первую очередь, передовых кругов, в силу тех достоинств, которые заслужили восхищение им и западноевропейского читателя: правдивость, передовые социальные идеалы, гуманизм, утверждаемые в художественной форме, отличающейся совершенством. В выражениях, близко напоминающих известные слова Ромэна Роллана и Проспера Меримэ о влиянии гуманизма и правды русской литературы на французскую, говорил, вспоминая свою молодость, и Михаил Садовяну. Он подчеркивал «ту духовную радость, которую он познал от приобщения к великой русской литературе», от чтения «Достоевского и Толстого, Гоголя и Тургенева, Пушкина и Лермонтова, Щедрина и молодого, начинающего Горького...».

«В серенькой жизни без перспектив и без моральных тревог, — писал наш классик, — в которой пребывало румынское общество тех лет, эти произведения были медленным, укрепляющим и благотворным лекарством. Оно было нам необходимо в условиях, в которых мир, разьедаемый недугами, шёл неминуемо к великим преобразованиям века»².

Об альтруизме русской литературы, о ее «теплом и глубоком сострадании к мукам 80 миллионного народа»³, говорил и передовой литературный критик Райку Ионеску-Рион, а Николае Йорга указывал на «гуманность Тургенева, объективность Толстого, сострадание Достоевского к различным мукам и нуждам человечества...»⁴ Восхищение

¹ «Convorbiri critice», 1909, 25.IX, стр. 715—716.

² MIHAIL SADOVEANU, *Evocări*, București, E.S.P.L.A., 1954, стр. 183—184.

³ RAICU IONESCU-RION, *Literaturile decadente (1894)*, в томе *Culegeri de articole*, București, E.S.P.L.A., 1951 стр. 106—107.

⁴ *Цит. рад.*

гуманизмом Достоевского, Толстого, Тургенева звучит и в словах одного из известных в те годы переводчиков русской литературы И. Дусчана: «... после того, как прочтешь роман, написанный ими, люди кажутся тебе выше, жизнь наша полезнее». Дусчан заключал свою мысль сожалением об «отсутствии этой стороны в нашей литературе и в нашей общественной жизни»¹.

Широкое распространение русского романа было в одинаковой мере обусловлено и теми передовыми социальными идеалами, которые он утверждал. Не говоря уже о том отклике, который получили романы *Что делать* (переведенный полностью в 1909 г.) и *Мать* (полный перевод в 1910 г.), своим смелым призывом к революционной борьбе², но и другие произведения как *Воскресение* (1899), *Мертвые души* (1905) пробуждали критическое отношение к современной румынской действительности, ее критическую оценку и внушали мысль о необходимости переустройства общества. Вдохновляющим примером в борьбе за счастье и свободу народа могли послужить романы *Новь*, в первую очередь, образ Марианы, или *Накануне*, смысл которых был очень верно разъяснен румынскому читателю критиком Доброджану-Геря, подчеркнувшим прогрессивные идеалы, выраженные русским писателем³. Передовые, свобододолюбивые устремления, утверждаемые русскими романами, находили в широких массах румынских читателей восприимчивую почву. Период интенсивного распространения русского романа с 80-х гг. прошлого столетия соответствует важному этапу в истории румынского народа, ознаменованному общественным подъемом, началом борьбы пролетариата за свои права, за справедливую и свободную жизнь. Знаменателен, например, интерес, проявленный к русской литературе, к Толстому, Достоевскому, Тургеневу, Горькому рабочей печатью или близкой к рабочему движению, газетами и журналами как *Contemporanul*, *Lumea Nouă*, *România Muncitoare*, *Drepturile omului*, *Muncitorul*, *Ciocoiful*, *Democrația Socială*, *Munca științifică și literară* и др. Они первые познакомили румынского читателя с такими романами как *Новь*, *Мать*, рассказами как *Муму*, *Три смерти* и т.д. И тогда, когда из-за отсутствия редакционных возможностей они должны были отказаться от перевода обширных произведений, то стремились хотя бы путем критических статей объяснить подлинное значение того или иного из русских писателей, представить его в подлинном, неискаженном буржуазными истолкованиями свете. Несомненно, что если с одной стороны передовая печать обращалась к русским романам, как к произведениям родствен-

¹ *Invierea*, «Ordinea», 1908, 8.V, стр. I.

² Подчеркивая, что роман «*Мать* — это не только прекрасное литературное произведение, но и значительное социалистическое сочинение», рабочая газета «*România Muncitoare*» оценивала его как «живой и беспрестанный призыв к борьбе, обращенный ко всем угнетенным нынешнего мира. Это огромный магнит, притягательная сила которого выявляет всю скрытую энергию рабочего класса... Незаурядные качества этого романа, героический энтузиазм, который он пробуждает, пламя борьбы которое он разжигает, делают эту книгу весьма ценной и для нас» (1908, 3.II, стр. 2).

³ См. «*Generația nouă*» de Turgheniev, «*Drepturile omului*», 1888, 5.V, стр. 2.

ным ее собственной ориентации, то с другой стороны передовое идейное содержание этих сочинений имело сильное влияние на передовых читателей, будь они близкие к революционным устремлениям пролетариата или только воодушевленные общими демократическими и гуманистическими идеалами.

В одинаковой степени означил русский роман своеобразное «открытие» и в эстетическом плане. Развитие румынской литературы в эти последние десятилетия 19-го века шло по линии утверждения правдивого реалистического искусства, с передовым гражданским содержанием, по линии совершенствования и развития художественных приемов, способов, повышения художественного мастерства, создания крупных, значительных произведений, глубоко отражавших важнейшие стороны современной жизни. Спор о передовом, идейном и реалистическом искусстве является центральным для литературной жизни Румынии конца 19 и начала 20 века. Как известно, в этом споре на первом его этапе выступали с одной стороны защитник «чистого искусства» Титу Майореску, возглавлявший кружок *Жулия* с его печатным органом журналом *Convorbiri literare*, с другой — Доброджану-Геря, представлявший группу писателей, сплотившуюся вокруг передового журнала *Contemporanul*, утверждавшего решительно принцип идейного «тенденционного» искусства. С самого начала полемики Геря — Майореску (1886 г.) русский роман занимает видное место в аргументации защитников реалистического искусства. Между прочим, следует отметить, что возникновение полемики совпадает именно с начальным этапом проникновения и распространения русского романа в Румынии. В особенности Доброджану-Геря, подчеркивая преимущество реалистического искусства, опирается неоднократно на пример Достоевского, Тургенева, Толстого. Выдвигая эстетические принципы, явно родственные и навеянные эстетикой русских революционных демократов, он однако же меньше ссылается открыто на их теоретические высказывания, а предпочитает приводить в свою поддержку примеры русских романистов, более известных румынскому читателю.

Разделяя мнение, согласно которому Достоевский «реалистический художник жизни униженных и оскорбленных», Геря показывает на примере нескольких произведений русского романиста и, в первую очередь, *Преступления и наказания*, в чем состоит смелое и глубокое отражение им русской жизни¹. Более подробную разработку вопросов реализма дает критик исходя из романов Тургенева. Подчеркивая, что наряду с гуманизмом, реализм «другая характерная черта» Тургенева, который «описал в прекрасных картинах все, что волновало, всё, что тревожило его родину», Доброджану-Геря разъясняет смысл и значение термина и определяет его существенные отличительные черты. Для этого он проводит интересную параллель между Тургеневым и школой Золя и утверждает в заключение, что реализм русского писателя, воодушевленного благородными возвышенными идеалами, не имеет ничего общего с «отвратительным реализмом» писателей-натуралистов.

¹ «Rominul», 1885, 16—18.IX, стр. 2.

Причем весьма правильно отмечает Гери, что «причину... огромного влияния и славы Тургенева... следует искать... в конечном итоге в его реализме...»¹. В такой значительной, можно сказать, программной статье как *Критика критики* (1887), в которой Доброджану-Гери ведет развернутую атаку против теории «чистого искусства», привлекается в роли одного из аргументов, наряду с произведениями Тургенева, и творчество Толстого. Ссылаясь на искусство Толстого «воспроизводить жизнь», на его мастерство в создании таких гениальных романов как *Война и мир* и *Анна Каренина*², румынский критик дает энергичную отповедь теоретикам «чистого искусства», утверждавшим, что «тенденциозность», передовое идейное содержание несовместимы в искусстве с художественностью. Интересно отметить, что и в выступлениях по вопросам передового реалистического искусства других прогрессивных писателей, поддерживавших точку зрения Гери, мы встречаем неоднократно примеры из области русской литературы, и, в первую очередь, русского романа. Так, поэт Штефан Петикэ обращается к прозе Толстого вообще, поэт и критик О. Карп утверждает свое приверженство к принципам реалистической литературы на основании подробного анализа романа *Анна Каренина*, а критик Райку Ионеску-Рион, ссылаясь на произведения Тургенева, Достоевского, Гоголя, Короленко.

Высокий авторитет, которым пользовался русский роман в европейской и в румынской литературной жизни тех лет, определил попытки его тенденциозного использования защитниками «чистого искусства» в своих реакционных целях. Конечно, в данном случае мы имеем дело с искаженным представлением и комментарием тех или иных произведений русских романистов, однако же само по себе явление не лишено значения и интереса. Успешному утверждению принципа тенденциозной, передовой литературы румынские идеологи реакции, как например, Николае Филипеску, Ал. Антемиряну, продолжавшие политику в защиту «чистого искусства», пытались противопоставить свою теорию «идеалистического течения», провозглашая господство в философии и литературе религии, мистики. Выступая против «реализма с его вульгарными изображениями», с «его претензиями к правдивому воспроизведению природы», против материализма в философии, они видели путь к возрождению литературы в «русском евангелическом романе» и называли имена Толстого и Достоевского. Искажая подлинный смысл произведений великих писателей, тенденциозно преувеличивая роль мистических элементов в их творчестве, вопреки общеустановленному мнению о значении их реалистических талантов, Филипеску и Антемиряну пытались использовать престиж русских романистов для утверждения своей несостоятельной, реакционной теории. Тот факт, что несмотря на свою неприязнь ко всему русскому, они обратились к именам Толстого

¹ *Studii critice*, том IV, 1925, стр. 147.

² *Ук. статья*, стр. 2.

и Достоевского, говорит довольно ясно о признанном авторитете этих писателей¹.

В продолжении этого спора о целях и назначении искусства, о реализме, о перспективах его развития и соотношении с другими художественными методами и течениями, развернувшегося с новой силой в начале 20 века, пример русского романа приводился неоднократно. На данном этапе ставился, в первую очередь, вопрос о глубине и широте охвата в изображении действительности, об отношении художника к жизненному материалу и, следовательно, о роли идейной позиции с которой этот материал оценивается. Отвечая критику Х. Саниелевичу, обвинявшему в безнравственности произведения Садовяну, на основании того, что в его повестях и рассказах раскрываются беспощадно темные стороны действительности, Г. Ибраилэну² отстаивал принцип всестороннего изображения жизни без каких-либо «запретных» тем или сюжетов и напоминал, что «крупнейшее произведение самого моралистического и морализирующего романиста, Анна Каренина Толстого, является историей адюльтера...»

Примечательно, что и другие участники полемики, среди которых К. Сэтяну,³ выступавшие также против тематического ограничения и «пуризма», как преград для развития полноценного реалистического искусства, обращались одинаково к творчеству русских писателей: Толстого, Достоевского, Горького. Этот факт подчеркивал не только широкопризнанный авторитет русского романа, но и его значение эстетического мерила в оценке различных литературных явлений и утверждении теоретических принципов. Одновременно следует подчеркнуть, что обращаясь к русскому роману и используя его творческие примеры в борьбе за идейную, реалистическую литературу, передовые румынские критики и, в особенности, Доброджану-Геря и Ибраилэну не рассматривали его изолированно, как некое замкнутое явление, а постоянно сопоставляли с другими родственными явлениями и, в первую очередь, с французским романом⁴. Такие сравнения между произведениями Тургенева, Толстого, Достоевского, Гоголя и романами Флобера, Мопассана, Золя, Бальзака преследовали выявление целого ряда отличительных и новаторских черт русского романа, с целью наметить перед румынскими писателями путь использования, переработки и продолжения его традиций. И если Чезар Петреску обратится несколько позже к своим собратьям по перу с открытым призывом: «пусть наши искания направляются по столь плодотворному пути, по которому шли Толстой, Гоголь, Достоевский, Горький...»⁵, то основы

¹ См. по этому вопросу статьи, опубликованные в газете *Epoca* в конце 1896 и в начале 1897 гг. за подписью NICOLAE FILIPESCU и AL. ANTEMIREANU (*Epoca politică și literară, Curentul idealist, Literatura și curentul idealist, După furtună etc.*).

² G. IBRAILEANU, *Doi critici și mai mulți scriitori*, «Curentul Nou», 1905, 15.XII, стр. 79—101.

³ C. SĂTEANU, *Polemici literare*, «Gazeta Moldovei», 1905, II, XII стр. 1—2.

⁴ См. G. IBRAILEANU, *Probleme literare*, «Viața Românească», 1906, No 7.

⁵ ION DARIE (CEZAR PETRESCU), *Spre literatura rusă*, «Gîndirea», 1921, 1.X, p. 201.

для его претворения в жизнь были заложены именно в годы проникновения и первого периода распространения русского романа в Румынии.

Особенно актуальный, злободневный характер носили сопоставления между русскими романами и произведениями Золя. Они служили, как правило, для конкретного и убедительного показа разницы между приемами реалистического метода и натуралистического в описании жизни и приводили, логично, к заключению о превосходстве первых над вторыми, что, например, ясно утверждает романист Дуилиу Замфиреску говоря о Толстом, «классический реализм которого поднимается до высоты человеческих душ и ничего общего не имеет с порнографическим реализмом Золя или немощным правдоподобием декадентов».¹

Однако присутствие русского романа в литературной жизни Румынии конца 19 и начала 20 века и его значение в этом плане не могло ограничиться только такой ролью, носящей, в первую очередь, принципиальный, теоретический характер.

Такое широкое и бурное вторжение первоклассных художественных произведений не могло не затронуть самые разнообразные стороны литературного процесса, не могло не стимулировать поиски румынских писателей, не повлиять на них в плане определенных конкретных, новаторских задач, одним словом, не могло не оставить конкретный след и не внести конкретный вклад в литературную жизнь нашей страны, в развитие румынской прозы и, в первую очередь, в становление и развитие румынского романа. Тем более, что в момент проникновения и интенсивного распространения произведений Тургенева, Толстого, Достоевского, Гоголя, Пушкина этот жанр находился в румынской литературе в совсем ином положении нежели во французской. Если «победоносное шествие» русского романа во Франции, Германии и других западноевропейских странах развернулось на фоне богатой, интенсивной и высокохудожественной отечественной традиции, то в Румынии ему пришлось встретиться с посредственными произведениями. До 80-х гг. роман получил в нашей стране довольно слабое развитие. Первые попытки в этой области (романы *Istoria lui Alecu Șoricescu* Иона Гики, *Tainele inimii* Михаила Когэлничану, *Manoil, Elena* Димитрия Болинтиняну, *Un boem român* Пантази Гика, *Misterele Bucureștilor* Джоржа Баронци и т.д.)² хотя и отличаются в большинстве случаев современной тематикой и не лишены критических элементов в изображении господствующих классов, являются преимущественно сентиментально-любвыми романами с бесхитростным построением, достаточно наивной, часто мелодраматической интригой и довольно схематичными образами³. Исключением является произведение Николая Филимона *Ciocoii vechi și noi* (1863), первый реалистический роман, нарисовавший критическую картину румынской действительности эпохи разложения

¹ DUILIU ZAMFIRESCU, *Leon Tolstoi*, «Convorbiri literare», 1892, № 4, стр. 273—287; № 5, стр. 358—370; № 6, стр. 433—448; № 7, стр. 557—569.

² *История Алеку Шорическу, Сердечные тайны, Манюил, Елена, Румынский богем, Тайны Бухареста.*

³ См. *Pionierii romanului românesc*, București, EPL, 1962.

феодализма и возникновения капитализма, в центре которой находится яркий типический образ «героя времени» — Дину Пэтурикэ.

В таких условиях контакт со столь мощным литературным явлением, как русский роман, не мог не дать толчок к развитию румынского романа и вообще румынской прозы. Следует отметить, что после *Ciocolii vechi și noi* мы не встречаем ни одного более крупного романа до 80-х гг., когда этот жанр появляется в новом облике: возмужалый, более глубокий по своей тематике, явно тяготеющий к реализму и стремящийся к всё большей художественности и зрелости в построении, в форме. В 80-ые и последующие годы мы можем отметить целый ряд значительных произведений в области романа: *Dinu Millian* (1887) К. Милле, цикл Комэнештенов Дуилиу Замфиреску (*Viața la țară*, 1894, *Tănase Scatiu* — 1895, *În război* — 1897, *Îndreptări* — 1902, *Anna* — 1906—1910), *Mara* Иона Славича (1906), *Legea Trupului* Иона Агырбичану (1906), а также указать вообще на расцвет прозы, связанный с именами Карджаале, Влахуца, Барбу Делавранча, молодого Михаила Садовяну и т.д.

Отмечая этот большой шаг вперед мы не можем, конечно, объяснить его вне связи с исторической эпохой, ознаменованной появлением и утверждением нового класса, пролетариата, с общим развитием румынской литературы на данном этапе, с идейной и литературной борьбой тех лет. Но, в то же время, это явление нельзя понять не учитывая вторжение русского романа в румынскую литературную жизнь последних десятилетий 19 в. и начала 20 в. Между прочим связь между некоторыми из них, как *Viața la țară* (Жизнь в деревне), *În război* (На войне) Дуилиу Замфиреску, *Legea Trupului* (Закон плоти) Иона Агырбичану и русскими романами, в особенности романами Толстого, была и ранее отмечена исследователями, а также даже признана самими авторами. Нам кажется, что нельзя считать случайностью появление именно в 80-ые и 90-ые гг. ряда румынских романов, по настоящему заслуживающих это название, т.е. в годы, когда переводятся и распространяются *Новь*, *Первая любовь*, *Вешние воды*, *Униженные и оскорбленные*, *Крейцерова соната*, *Воскресение* и т.д. И также не следует считать простой случайностью, что тот большой шаг вперед от романа 60-ых гг. к роману 80-ых гг. был сделан такими произведениями как *Dinu Millian* и, в особенности, циклом Комэнештенов, авторам которых не был неизвестен опыт русской литературы. Именно в те годы, когда Константин Милле работал над своим произведением, он писал уже указанные нами статьи об европейском значении и престиже русского романа, а Дуилиу Замфиреску незадолго до опубликования первого тома *Viața la țară* напечатал обширную статью¹ о творчестве Толстого (1892), к которому по его собственному признанию, «чувствовал безконечное восхищение». Причем, следует отметить, что незаурядная для того времени осведомленность Дуилиу Замфиреску о произведениях Толстого сочеталась с значительной начитанностью и в творчестве других русских романистов: Тургенева, Достоевского, Горького и т.д.

¹ Ук. статья, в «Convorbiri literare», nr. 4 и след.

Знакомство с русским романом показало румынскому писателю и читателю образцы подчеркнутого внимания к социальным вопросам, преимущественную трактовку глубоких жизненных вопросов, будь они социальные, этические или философские, раскрыло практику остро критического подхода в изображении действительности. Уже проявивший некоторые устремления в данном направлении в 60-ых гг., румынский роман ускоряет свои шаги по этому пути начиная с 80-ых гг. Характерно отметить, что в комментариях вокруг переводов таких произведений, как *Униженные и оскорбленные*, *Крейцера соната*, *Воскресение*, подчеркивается сплошь и рядом их разоблачительный характер и социальная устремленность, и не только передовыми писателями и критиками как Доброджану-Геря или Ибраилану¹, но и такими, которые стояли на весьма умеренных позициях². В этой склонности румынского романа конца 19 и начала 20 века к социальным вопросам и к критической их разработке, к расширению тематики и, тем самым, и охвата жизни следует видеть, конечно, в первую очередь, влияние самой действительности, исторической эпохи, но не следует игнорировать и тех уроков, которые наши писатели могли почерпнуть из русской литературы. Можно сказать, что в ряде случаев произведения русских писателей помогли успешному и ускоренному утверждению в румынской литературе, в частности в румынском романе, под-сказанных самой жизнью определенных тем, и способствовали их более углубленной трактовке, иногда их новаторскому разрешению или содействовали обогащению типологической галереи, привлекая внимание к новым своеобразным типам и т.д.

Нам кажется, целесообразным указать, во-первых, на крестьянскую тематику. Несомненно, румынская действительность конца 19 и начала 20 века, острая классовая борьба, растущие крестьянские волнения, дошедшие до своей кульминационной точки в 1907 г., — всё это закономерно обусловило пристальное внимание литературы к деревне и ее жителям и поставило перед писателями задачу правдивого их изображения. Отечественная предшествующая традиция, преимущественно стихотворная, лирическая, а не прозаическая, и тем более не в области развернутых повествовательных произведений, не содержала много мощных произведений критически разрабатывающих этот вопрос. Наоборот, русская литература от Радищева до Толстого уделяла особо подчеркнутое внимание крестьянскому миру, в большинстве посвящая ему эпические произведения, выдержанные в глубоко реалистических тонах. Такого рода примеры могли быть плодотворными и для румынской литературы. И именно на мысль о возможном знакомстве с *Записками охотника*, *Муму*, *Воскресением* или различными крестьянскими повестями и рассказами из русской

¹ См. C. DOBROGEANU-GHEREA, *Cauza pesimismului în literatură și viață*, в *Studii Critice*, 1891, т. II, и C. VRAJA (G. IBRAÎLEANU), *Psihologia de clasă*, *Dan*, «Evenimentul literar», 1895, 23.V, стр. 3—4.

² См. статью о *Крейцеровой Сонате* G. BOGDAN-DUICĂ, *Tolstoi*, «Tribuna», 1891, 20.I. — 23.I.

литературы наталкивают такие произведения о деревенской жизни, появившиеся в 90-е гг., как *Arendașul român* (1893) Караджале, *Socoteala* (1894) Александра Влахуца, *La arie*¹ и т.д., отличающиеся своей глубокой правдой в изображении отношений между эксплуататорами и эксплуатируемыми, своими суровыми красками.

Не случайно, полемизируя с критиками-эстетам, как Эуджен Ловинеску, и утверждая закономерность существования крестьянской тематики в литературе, Ибраилэну приводил, в первую очередь, пример русских романистов Тургенева и Толстого и выделял их традицию в изображении крестьянства от традиции Бальзака, Золя, Мопассана. Он подчеркивал, что если «для французских писателей-реалистов, для крестьянин эгоистичное, примитивное и смешное существо...», то «для русских писателей-реалистов, крестьянин — доброе, поэтическое существо, философ, *таким* видят они крестьянина и *эти* его черты привлекают их внимание, эти черты *они подчеркивают*»². И если французские писатели говорят, в первую очередь, об отрицательных сторонах крестьянской жизни, русские утверждают наоборот положительные ее стороны. Ибраилэну советовал писателям — соотечественникам обращаться в разработке крестьянской тематики к творчеству Толстого, изображать крестьянина «также всеосторонне, как это делают самые великие романисты, как это делает Толстой...», во всех условиях объясняющих его развитие, со всеми *обстоятельствами* и их причинами и тогда чем будет темнее, отталкивающее, правдиво и правильно освещенный образ крестьянина, тем в нем будет корениться более сильный протест против судьбы ему отведенной...»³.

Например, родственность с приемами Толстого в изображении крестьянских типов можно проследить в творчестве Михаила Садовяну. Сочетая светлые и теневые стороны в описании крестьян, подчеркивая глубокую человечность людей из народа, румынский писатель не побоялся показать и отрицательные явления, бытовавшие в деревенском мире, поскольку, так же как и Л. Н. Толстой, объяснял их теми ужасными условиями порабощения и эксплуатации, в которых живет крестьянская масса (*Ion Ursu* — 1901, *Petrea Străinul* — 1904, *Un cal și-un om* — 1907). Также как и у русского писателя мы чувствуем в рассказах и повестях Михаила Садовяну гнев, ненависть народа (*Codrul*⁴ — 1906, *Hoțul* — 1909) против угнетателей и эксплуататоров, осуждение их паразитического существования (*Pustiul*), их безнравственности (*Păcat boieresc* — 1906)⁵. Глазами «прокаженных сего мира», «несчастных и

¹ Румынский арендатор, Счет, На глуме.

² G. IBRAILEANU, *Probleme literare*, «Viața Românească», 1906, No 7, стр. 55—56.

³ P. NICANOR (G. IBRAILEANU), *Miscellanea*, «Viața Românească», 1911, No 12, стр. 481.

⁴ На русский источник произведения *Codrul* указывает дочь писателя Профира Садовяну: «По примеру рассказа *Лес шумит* Короленко, основываясь только на описании природы, создал поэтическую фантазию» (предисловие к *Opere*, V, București, E.P.L.A., 1948, стр. XV).

⁵ Интересные замечания в сопоставительном плане изображения крестьян у Садовяну и у Толстого содержатся в монографии Ю. КОЖЕВНИКОВА, *Михаил Садовяну*, М. 1960, стр. 33 и след.

обездоленных, обремененных тяжелыми семьями и наделенных малым клочком земли» смотрит и оценивает румынский классик жизнь господствующих классов, также как это делал и великий русский писатель и, так же как он, говорит о непримиримой вражде между народом и его угнетателями; о недоверии с которым крестьянин воспринимает любые меры, исходящие от помещиков или начальства (*Neîncredere* — 1912, *Pe drumuri încurcate* — 1912)¹).

О традиции Толстого, а также и других русских классиков следует вспомнить говоря о суровых реалистических картинах румынской деревни, нарисованных в рассказах и повестях Агырбичану (из сборников *De la țară* — 1906, *În clasa cultă* — 1909)². Тем более, что и сам писатель неоднократно ссылаясь на то значение, которое имело для его литературной биографии знакомство с «Бальзаком, Флобером, Золя, Толстым, Достоевским, Гогслем, Горьким», после которого он некоторое время чувствовал себя «в смятении, как бы побежденным», прибавляя что Толстой и Гоголь, «казались более глубокими, мощными, человеческими»³.

Углубление и развитие реализма в румынской прозе, вообще, и, в частности, в румынском романе конца 19 и начала 20 в. подтверждается также проявлением демократической и глубоко гуманистической темы «маленького человека» и соответствующего литературного героя.

О своеобразном воплощении этого образа в румынской литературе, в чертах характерных, отличающих его от родственных типов в других литературах, говорили многие писатели и критики. Принимая во внимание этот особый, неподражаемый отпечаток демократизма и гуманизма, который носит «маленький человек» в русской литературе, можно установить определенную связь между появлением целого ряда родственных образов в румынской прозе конца XIX в. и начала XX в. (у Влахуца, Делавранчи⁴, Н. Дунэрян, Виктора Крэеску, Софии Надежде, несколько позже у Брэтеску-Войнешть, Галы Галактиона, Михаила Садовяну и др.) и распространением романов Достоевского и в особенности *Униженных и оскорбленных*, повести *Шинель* Гоголя, рассказов Чехова и т.д. Родственными образами Акакию Акакиевичу Башмачкину являются герои повестей Брэтеску-Войнешть *Blana lui Isaia* и *Microbul*⁵. В повести *Blana lui Isaia* (1909) весьма близкими к гоголевской повести являются даже интрига и сюжет. Повесть румынского писателя, раскрывающая бедное и грустное существование мелкого чиновника Исаю основана также на мотиве кражи новой шинели, приобретенной с большими жертвами. Правда,

¹ Ион Урсу, *Петря Стрэинул, Лошадь и человек, Лес, Вор, Пустыня, Помещичий грех, Недоверие, По запутанным дорогам.*

² В деревне, В культурном классе.

³ I. AGÎRBICEANU, *Mărturisiri*, «Revista fundațiilor», 1944, No. 12, стр. 554.

⁴ Не без интереса напомнить о статье Барбу Делавранча *Культ маленького человека*, в которой румынский прозаик утверждает и объясняет свою склонность «к ничем не примечательным, сереньким героям». (*Cultul celor mici*, «Viața», 1893, 28.XI, стр. 2—3).

⁵ *Шинель Исаи, Микроб.*

в румынской повести смягчены ноты социальной критики и герой представлен менее обиженным жизнью и несчастным, но в основном гуманистический и демократический идеал сохранен и в общих своих чертах произведение напоминает читателю известную повесть Гоголя. Еще более тесную связь можно установить между образом Акакия Акакиевича и центральным персонажем повести *Microbul* (1893—1894). Своей забитостью, своей жалкой, несчастной судьбой, чиновник изображенный Брэтеску-Войнешть является типичным «маленьким человеком», родным братом Башмачкина. И также, как и русский писатель, румынский прозаик призывает к его защите от угнетения, унижения и издевательств во имя права любого человека на уважение и гуманное отношение.

Вообще разнообразные, мощные человеческие характеры, незабываемые типы огромного обобщающего и воспитательного значения, созданные русской литературой XIX в., высоко ценились лучшими румынскими писателями и считались образцами, заслуживающими внимания и творческого использования. Следует напомнить восторженные слова писателя Штефана Петика об «изумительной многочисленности типов в романах Тургенева... Может быть Достоевский стоит выше него по глубине психологического анализа, может быть Толстой стоит выше трагичным величием своего учения, но никому не сравниться с Тургеневым в мощи, с которой он создает самые различные типы. Дмитрий Рудин, Нежданов, Базаров, Пунин, Бабурин, Инсаров и много других человеческих типов с их отличительными чертами останутся навсегда твердо в памяти читателей»¹.

О героях романа *Война и мир* Михаил Садовяну говорил как о живых людях, друзьях, близких («Наташа, близка моей душе... веселая, жизнерадостная девочка..., мой друг князь Андрей, симпатичный и грустный..., Петр Безухов весь в плену бесконечных внутренних тревог...»)². Одновременно его привлекали «грустные и болезненные персонажи Достоевского из романов *Униженные и оскорбленные*, *Преступление и наказание* и, в особенности, незабываемые образы из *Записок из мертвого дома*. Долгие ночи мучился я в раздумиях о них...» — признавался писатель. Образ Анны Карениной вспоминал всегда с восхищением Г. Ибраилян, как одно из блестящих достижений всемирного искусства в изображении живого человеческого характера.

Русские романисты, и, в первую очередь, Тургенев, Толстой и Достоевский, показали румынским писателям образцы глубокого и всестороннего раскрытия человеческой личности, в ее внешних проявлениях, в ее внутренних переживаниях, с ее интимными мыслями, с ее глубокими, скрытыми, сокровенными волнениями. Усвоение и развитие, переработка и творческое применение различных приемов и способов создания характеров и типов, и в особенности психологического анализа, стояло во внимании многих румынских реалистических

¹ ȘTEFAN PETICĂ, *Herzen și Turgheniev*, «România Jună», 1900, 14.V, стр. 1.

² MIHAIL SADOVEANU, *Note pe marginea cărților, Tolstoi*, «Viața Românească», 1910, No. 12, стр. 462—466.

писателей, романистов и вообще прозаиков (Дуилиу Замфиреску, И. Агэрибичану, Михаил Садовяну и др.). На эту сторону творчества русских романистов обращают внимание видные литературные критики как Доброджану-Геря, Ибрэилян, а также и менее значительные публицисты. Чувствуется, что это насущные вопросы, остро затрагивающие интересы румынской литературы. Так, например, Г. Ибрэилян в своей статье, посвященной Толстому, останавливается на мастерстве русского писателя в передаче внутренних переживаний человека при помощи жеста, движения, незначительной на первый взгляд, но характерной, много говорящей детали. О. Карп восхищается тонкостью, классической ясностью рисунка в творчестве Толстого, а Дуилиу Замфиреску подчеркивает точность и проникновенность в изображении людей и картин. Одновременно, автор цикла Коменештенюв не ограничился теоретическим выступлением и перешёл в своих романах к творческому применению некоторых из толстовских приемов раскрытия и создания образов. Следует указать на использование нашим романистом таких характерных, специфических для Толстого приемов как постепенное создание портретов, повторение одной и той же физической детали, раскрытие внутреннего мира через некоторые значительные детали физического портрета, присутствие внутреннего монолога и т.д. Психологическая драма, составляющая суть романа А. Влахуцэ *Dan* (1894) привлекла довольно рано внимание Ибрэилян в плане сопоставления её с изображением родственной душевной коллизии Толстым в его известной *Крейцеровой Сонате*¹. Приемы психологического анализа и типизации, напоминающие Тургенева, встречаются в романах Траяна Деметреску *Iubita* (1896) и *Cum iubim*. Нарисованные в мрачных красках, мощными, крупными мазками, показанные в диалектике их острых душевных переживаний, полных столкновений, драматических коллизий и конфликтов, в борьбе сильных страстей, главные герои повести Славича *Moara cu poroc* (1881) напоминают в какой-то степени о приемах создания и раскрытия человеческих личностей в произведениях Достоевского². Довольно сложное переплетение отголосков творческих уроков, воспринятых от русских писателей, Толстого и Горького, Тургенева и Гоголя, чувствуется в романе Иона Агырбичану *Arhanghelii* (1913), создавшего богатую галерею образов, психологически и социально дифференцированных, написанных сочно и выпукло, глубоко раскрытых в их душевном мире³.

Не в меньшей степени могли заинтересовать и сыграть определенное положительное значение композиционные решения русских романистов, их поиски в области построения, архитектоники широких эпических полотен, объемистых произведений, охватывающих богатые, сложные и

¹ C. VRAJA (G. IBRAILEANU), *Psihologia de clasă, Dan*, «Evenimentul literar», 1895, 23.V, стр. 3—4.

² Об интересе Славича к русской литературе говорит его деятельность редактора газеты *Tribuna* (Сиблу), на страницах которой было напечатано много произведений русской литературы, среди которых *Семейное счастье* и *Воскресение* Толстого, *Белые ночи* Достоевского, *Клара Милич* Тургенева и др.

³ *Dan*, *Любимая*, *Как мы любим*, *Дожидная мельница*, *Архангелы*.

разнообразные картины жизни. Такие вопросы были особенно важны для развития румынской прозы и, в особенности романа, поскольку первые попытки, сделанные в этой области, отличались прямолинейностью в построении, даже страдали некоторым схематизмом и неуклюжестью. По мере того, как роман становился все больше зеркалом шумной и многолюдной действительности, с ее многочисленными проблемами и конфликтами, с ее столкновениями между противоположными социальными силами, рождалась острая необходимость в соответствующей форме, емкой, свободной, способной охватить и подчинить себе сложный и компактный жизненный материал. Русский роман представлял в данной области богатый источник своеобразных и смелых разрешений.

О поваторской архитектонике романа *Война и мир* писалось очень много в румынской печати, и в прошлом столетии (Дуилиу Замфиреску), и в начале 20 века (Ибраилу, Михаил Садовяну, Чезар Петреску), и совсем уже недавно, в наши дни (акад. Тудор Виану). Пристальное внимание и глубокий интерес пробудила сложная и своеобразная архитектура романа *Анна Каренина*, отмеченная еще О. Карпом в его статье в 1888 г. («тут два романа, которые соединены в единое целое редким мастерством») и Дуилиу Замфиреску в 1892 г., а затем неоднократно подчеркнутая почти всеми, кто писал о гениальном произведении Толстого. Некоторых привлекали глубокие, оригинальные, хотя на первый взгляд менее гармоничные в своем построении, романы Достоевского, другие предпочитали равновесие, почти классическую линию романов Тургенева. Но, так или иначе, мы можем сказать, что тот заметный шаг вперед в композиционном плане, который мы можем отметить в романах и повестях конца XIX и начала XX в. (*Dinu Millian, Viața la țară, Arhanghelii* etc.) не был сделан независимо от опыта русского романа. Остановимся на одном примере.

Среди многих заключений, вынесенных Дуилиу Замфиреску из чтения произведений Толстого, мы встречаем и идею о «объемистой, обширной композиции», характерной для романов Толстого, с которыми смог познакомиться румынский писатель до 1892 г. — *Война и мир* и *Анна Каренина*. Эти слова наводят нас на мысль о том, что именно с традицией Толстого связаны поиски Дуилиу Замфиреску в области создания широкого, емкого романа, романа-эпопеи, способного охватить и отразить огромную картину жизни. В этом свете можно рассмотреть цикл Комэнештенов, как частичную реализацию намеченного плана широкого эпического полотна, — первого такого рода в румынской литературе, — изображающего историю румынского общества конца XIX столетия, однако же расчлененного на несколько отдельных произведений, менее связанных между собой нежели четыре тома *Войны и мира* и, в какой то степени, даже самостоятельных, так что одной из слабых сторон цикла можно считать именно тот факт, что последний из томов — *Анна* почти утрачивает связь с первыми. Ту же цель широкого и многостороннего изображения жизни преследует Дуилиу Замфиреску построением своих романов в двух или даже нескольких планах. Одну из первых попыток создать двухплановый роман мы встречаем у Дуилиу Замфиреску в его произведении

Lume nouă, lume veche (1890), построенном по принципу сопоставления и параллельного развития «нового мира» — семья Стоенеску и ее друзья — и «старого мира» — семья Штефэнеску. В первом томе из цикла Комэнештенов — *Viața la țară*, мы можем также проследить развитие действия в двух планах (Саша — Дамиян и Михай — Тинкуца) с возможностью выделить и третий, занимающий правда менее значительное место (Тэнасе Скатну). Попыткой многопланного построения является и роман *Îndreptări* (мир Анны Виллара и пустого светского общества, план Мия — Александру Комэнештяну, и третий — описание трансильванской жизни), хотя с композиционной точки зрения не во всем успешно разрешенной, в особенности, недостаточно логично и крепко спаянной в своих отдельных частях. Отказ от прямолинейной композиции, поиски новых приемов построения, в соответствии с требованиями сложного и богатого жизненного материала заметны и в романе Влахуца *Dan*. Стремление к сложной композиции, к сочетанию в единое целое двух жизненных планов, к изображению большого числа персонажей, и даже целых коллективов отличает также и роман Агырбичану *Arhanghelii*.

★

Последнее десятилетие XIX в. и начало XX в. (примерно 1880—1917 гг.) составляют, таким образом, как мы видим, первый этап в проникновении, распространении и утверждении русского романа в литературной жизни Румынии, ознаменованный, в основном, подчеркнутым присутствием произведений Тургенева, Толстого, Достоевского и др. и их влиянием на румынскую литературу и в первую очередь, на румынскую прозу, в плане реализма и передовых идейных и эстетических ориентаций. Лучшие образцы русского романа стимулировали развитие здоровых и прочных тенденций в румынской прозе, в румынском романе, в особенности, находившиеся в то время в начальной стадии своего развития. На основе, заложенной в эти десятилетия, появились затем целый ряд крупных произведений (Ребрюну, Галы Галактиона, Чезара Петреску, Михаила Садовяну, Г. Кэлинеску, Камиля Петреску), занявших одно из главных мест в развитии румынской литературы и утвердившихся в ее классическом наследии.